

Иван Тургенев

Гамлет и Дон-Кихот



Иван Тургенев

Гамлет и Дон-Кихот

«Public Domain»

1860

Тургенев И. С.

Гамлет и Дон-Кихот / И. С. Тургенев — «Public Domain», 1860

Статья «Гамлет и Дон-Кихот» была задумана Тургеневым задолго до ее написания. Суждения о Гамлете содержались уже в его письме к Полине Виардо от 13 (25) декабря 1847 г. Решающим моментом в возникновении замысла статьи были, по-видимому, размышления Тургенева над революционными событиями 1848 года, за которыми он внимательно следил в Париже. Намек на это можно видеть в словах статьи, связанных с характеристикой Дон-Кихота: «Мы сами на своем веку, в наших странствованиях, видали людей, умирающих за столь же мало существующую Дульцинею...».

Содержание

Примечания	16
Источники текста	16
Условные сокращения	28
Комментарии	

Иван Сергеевич Тургенев
Гамлет и Дон-Кихот
(Речь, произнесенная 10 января 1860
года на публичном чтении в пользу
Общества для вспомоществования
нуждающимся литераторам и ученым)

Мм. гг.!

Первое издание трагедии Шекспира «Гамлет» и первая часть сервантесовского «Дон-Кихота» явились в один и тот же год,^[1] в самом начале XVII столетия.

Эта случайность нам показалась знаменательною; сближение двух названных нами произведений навело нас на целый ряд мыслей. Мы просим позволения поделиться с вами этими мыслями и заранее рассчитываем на вашу снисходительность. «Кто хочет понять поэта, должен вступить в его область», – сказал Гёте;^[2] – прозаик лишен всяких прав на подобное требование; но он может надеяться, что его читатели – или слушатели – захотят сопутствовать ему в его странствованиях, в его изысканиях.

Некоторые из наших воззрений, быть может, поразят вас, мм. гг., своею необычностью; но в том и состоит особенное преимущество великих поэтических произведений, которым гений их творцов вдохнул неумирающую жизнь, что воззрения на них, как и на жизнь вообще, могут быть бесконечно разнообразны, даже противоречащи – и в то же время одинаково справедливы. Сколько комментариев уже было написано на «Гамлета» и сколько их еще предвидится впереди! К каким различным заключениям приводило изучение этого поистине неисчерпаемого типа! – «Дон-Кихот», по самому свойству своей задачи, по истинно великолепной ясности рассказа, как бы озаренного солнцем юга, подает меньше повода к толкованиям. Но, к сожалению, мы, русские, не имеем хорошего перевода «Дон-Кихота»; большая часть из нас сохранила о нем довольно неопределенные воспоминания; под словом «Дон-Кихот» мы часто подразумеваем просто шута, – слово «донкихотство» у нас равносильно с словом: нелепость, – между тем как в донкихотстве нам следовало бы признать высокое начало самопожертвования, только схваченное с комической стороны.

Хороший перевод «Дон-Кихота» был бы истинной заслугой перед публикой,^[3] и всеобщая благодарность ждет того писателя, который передаст нам это единственное творение во всей его красоте. Но возвратимся к предмету нашей беседы.

Мы сказали, что одновременное появление «Дон-Кихота» и «Гамлета» нам показалось знаменательным. Нам показалось, что в этих двух типах воплощены две коренные, противоположные особенности человеческой природы – оба конца той оси, на которой она вертится. Нам показалось, что все люди принадлежат более или менее к одному из этих двух типов; что почти каждый из нас сбивается либо на Дон-Кихота, либо на Гамлета. Правда, в наше время Гамлетов стало гораздо более, чем Дон-Кихотов; но и Дон-Кихоты не перевелись.

Объяснимся.

Все люди живут – сознательно или бессознательно – в силу своего принципа, своего идеала, т. е. в силу того, что они почитают правдой, красотою, добром. Многие получают свой идеал уже совершенно готовым, в определенных, исторически сложившихся формах; они живут, соображая жизнь свою с этим идеалом, иногда отступая от него под влиянием страстей или случайностей, – но они не рассуждают о нем, не сомневаются в нем; другие, напротив, подвергают его анализу собственной мысли. Как бы то ни было, мы, кажется, не слишком оши-

бемся, если скажем, что для всех людей этот идеал, эта основа и цель их существования находится либо вне их, либо в них самих: другими словами, для каждого из нас либо собственное я становится на первом месте, либо нечто другое, признанное им за высшее. Нам могут возразить, что действительность не допускает таких резких разграничений, что в одном и том же живом существе оба воззрения могут чередоваться, даже сливаться до некоторой степени; но мы и не думали утверждать невозможность изменений и противоречий в человеческой природе; мы хотели только указать на два различные отношения человека к своему идеалу – и мы теперь постараемся представить, каким образом, по нашему понятию, эти два различные отношения воплотились в двух избранных нами типах.

Начнем с Дон-Кихота.

Что выражает собою Дон-Кихот? Взглянем на него не тем торопливым взглядом, который останавливается на поверхностях и мелочах. Не будем видеть в Дон-Кихоте одного лишь рыцаря печального образа, фигуру, созданную для осмеяния старинных рыцарских романов; известно, что значение этого лица расширилось под собственную руку его бессмертного творца и что Дон-Кихот второй части, любезный собеседник герцогов и герцогинь, мудрый наставник оруженосца-губернатора, – уже не тот Дон-Кихот, каким он является нам в первой части романа, особенно в начале, не тот странный и смешной чудаки, на которого так щедро сыплются удары; а потому попытаемся проникнуть до самой сущности дела. Повторяем: что выражает собою Дон-Кихот? Веру прежде всего; веру в нечто вечное, неизблемое, в истину, одним словом, в истину, находящуюся *вне* отдельного человека, но легко ему дающуюся, требующую служения и жертв, но доступную постоянству служения и силе жертвы. Дон-Кихот проникнут весь преданностью к идеалу, для которого он готов подвергаться всевозможным лишениям, жертвовать жизнью; самую жизнь свою он ценит настолько, насколько она может служить средством к воплощению идеала, к водворению истины, справедливости на земле. Нам скажут, что идеал этот почерпнут расстроенным его воображением из фантастического мира рыцарских романов; согласны – и в этом-то состоит комическая сторона Дон-Кихота; но самый идеал остается во всей своей нетронутой чистоте. Жить для себя, заботиться о себе – Дон-Кихот почел бы постыдным. Он весь живет (если так можно выразиться) вне себя, для других, для своих братьев, для истребления зла, для противодействия враждебным человеческим силам – волшебникам, великанам, т. е. притеснителям. В нем нет и следа эгоизма, он не заботится о себе, он весь самопожертвование – оцените это слово! – он верит, верит крепко и без оглядки. Оттого он бесстрашен, терпелив, довольствуется самой скудной пищей, самой бедной одеждой: ему не до того. Смирный сердцем, он духом велик и смел; умиленная его набожность не стесняет его свободы; чуждый тщеславия, он не сомневается в себе, в своем призвании, даже в своих физических силах; воля его – непреклонная воля. Постоянное стремление к одной и той же цели придает некоторое однообразие его мыслям, односторонность его уму; он знает мало, да ему и не нужно много знать: он знает, в чем его дело, зачем он живет на земле, а это – главное знание. Дон-Кихот может показаться то совершенным безумцем, потому что самая несомненная вещественность исчезает перед его глазами, тает как воск от огня его энтузиазма (он действительно видит живых мавров в деревянных куклах, рыцарей в баранах), – то ограниченным, потому что он не умеет ни легко сочувствовать, ни легко наслаждаться; но он, как долговечное дерево, пустил глубоко корни в почву и не в состоянии ни изменить своему убеждению, ни переноситься от одного предмета к другому; крепость его нравственного состава (заметьте, что этот сумасшедший, странствующий рыцарь – самое нравственное существо в мире) придает особенную силу и величавость всем его суждениям и речам, всей его фигуре, несмотря на комические и унижительные положения, в которые он беспрестанно впадает... Дон-Кихот энтузиаст, служитель идеи и потому обвеян ее сияньем.

Что же представляет собою Гамлет?

Анализ прежде всего и эгоизм, а потому безверье. Он весь живет для самого себя, он эгоист; но верить в себя даже эгоист не может; верить можно только в то, что вне нас и над нами. Но это я, в которое он не верит, дорого Гамлету. Это исходная точка, к которой он возвращается беспрестанно, потому что не находит ничего в целом мире, к чему бы мог прилепиться душою; он скептик – и вечно возится и носится с самим собою; он постоянно занят не своей обязанностью, а своим положением. Сомневаясь во всем, Гамлет, разумеется, не щадит и самого себя; ум его слишком развит, чтобы удовлетвориться тем, что он в себе находит: он сознает свою слабость, но всякое самосознание есть сила; отсюда проистекает его ирония, противоположность энтузиазму Дон-Кихота. Гамлет с наслаждением, преувеличенно бранит себя, постоянно наблюдая за собою, вечно глядя внутрь себя, он знает до тонкости все свои недостатки, презирает их, презирает самого себя – и в то же время, можно сказать, живет, питается этим презрением. Он не верит в себя – и тщеславен; он не знает, чего хочет и зачем живет, – и привязан к жизни... «О боже, боже! (воскликает он во 2-й сцене первого акта), если б ты, судья земли и неба, не запретил греха самоубийства!.. Как пошла, пуста, плоска и ничтожна кажется мне жизнь!»^[4] Но он не жертвует этой плоской и пустой жизнью; он мечтает о самоубийстве еще до появления тени отца, до того грозного поручения, которое окончательно разбивает его уже надломанную волю, – но он себя не убьет. Любовь к жизни высказывается в самых этих мечтах о прекращении ее; всем 18-летним юношам знакомы подобные чувства:

То кровь кипит, то сил избыток.^[5]

Но не будем слишком строги к Гамлету: он страдает – и его страдания и большее и язвительнее страданий Дон-Кихота. Того бьют грубые пастухи, освобожденные им преступники; Гамлет сам наносит себе раны, сам себя терзает; в его руках тоже меч: обоюдоострый меч анализа.

Дон-Кихот, мы должны в этом сознаться, положительно смешон. Его фигура едва ли не самая комическая фигура, когда-либо нарисованная поэтом. Его имя стало смешным прозвищем даже в устах русских мужиков. Мы в этом могли убедиться собственными ушами. При одном воспоминании о нем возникает в воображении тощая, угловатая, горбоносая фигура, облеченная в карикатурные латы, вознесенная на чахлый остов жалкого коня, того бедного, вечно голодного и битого Россинанта, которому нельзя отказать в каком-то полузабавном, полутронутым участии. Дон-Кихот смешон... но в смехе есть примиряющая и искупляющая сила – и если недаром сказано: «Чему посмеешься, тому послужишь», то можно прибавить, что над кем посмеялся, тому уже простил, того даже полюбить готов. Напротив, наружность Гамлета привлекательна. Его меланхолия, бледный, хотя и нехудой вид (мать его замечает о нем, что он толст, «our son is fat»^[6]), черная бархатная одежда, перо на шляпе, изящные манеры, несомненная поэзия его речей, постоянное чувство полного превосходства над другими, рядом с язвительной потехой самоунижения, всё в нем нравится, всё пленяет; всякому лестно прослыть Гамлетом, никто бы не хотел заслужить прозвание Дон-Кихота; «Гамлет Баратынский»,^[7] – писал к своему другу Пушкин; над Гамлетом никто и не думает смеяться, и именно в этом его осуждение: любить его почти невозможно, одни люди, подобные Горацию, привязываются к Гамлету. Мы о них поговорим впоследствии. Сочувствует ему всякий, и оно понятно; почти каждый находит в нем собственные черты; но любить его, повторяем, нельзя, потому что он никого сам не любит.

Будем продолжать наше сравнение. Гамлет – сын короля, убитого родным братом, похитителем престола; отец его выходит из могилы, из «челюстей ада», чтобы поручить ему отмстить за себя, а он колеблется, хитрит с самим собою, тешится тем, что ругает себя, и наконец убивает своего вотчина случайно. Глубокая психологическая черта, за которую многие даже умные, но близорукие люди дерзали осуждать Шекспира! А Дон-Кихот, бедный, почти

ниций человек, без всяких средств и связей, старый, одинокий, берет на себя исправлять зло и защищать притесненных (совершенно ему чужих) на всем земном шаре. Что нужды, что первая же его попытка освобождения невинности от притеснителя рушится двойной бедою на голову самой невинности... (мы разумею ту сцену, когда Дон-Кихот избавляет мальчика от побоев его хозяина, который тотчас же после удаления избавителя вдесятеро сильнее наказывает бедняка). Что нужды, что, думая иметь дело с вредными великанами, Дон-Кихот нападает на полезные ветряные мельницы... Комическая оболочка этих образов не должна отводить наши глаза от сокрытого в них смысла. Кто, жертвуя собою, вздумал бы сперва рассчитывать и взвешивать все последствия, всю вероятность пользы своего поступка, тот едва ли способен на самопожертвование. С Гамлетом ничего подобного случиться не может: ему ли, с его проныцательным, тонким, скептическим умом, ему ли впасть в такую грубую ошибку! Нет, он не будет сражаться с ветряными мельницами, он не верит в великанов... но он бы и не напал на них, если бы они точно существовали. Гамлет не стал бы утверждать, как Дон-Кихот, показывая всем и каждому цирюльничий таз, что это есть настоящий волшебный шлем Мамбрина; но мы полагаем, что если бы сама истина предстала воплощенною перед его глазами, Гамлет не решился бы поручиться, что это точно она, истина... Ведь кто знает, может быть, и истины тоже нет, так же как великанов? Мы смеемся над Дон-Кихотом... но, мм. гг., кто из нас может, добросовестно спросив себя, свои прошедшие, свои настоящие убеждения, кто решится утверждать, что он всегда и во всяком случае различит и различал цирюльничий оловянный таз от волшебного золотого шлема?.. Потому нам кажется, что главное дело в искренности и силе самого убеждения... а результат – в руке судеб. Они одни могут показать нам, с призраками ли мы боролись, с действительными ли врагами, и каким оружием покрыли мы наши головы... Наше дело вооружиться и бороться.

Замечательны отношения толпы, так называемой людской массы, к Гамлету и Дон-Кихоту.

Полоний представитель массы перед Гамлетом, Санчо-Панса – перед Дон-Кихотом.

Полоний – дельный, практический, здравомыслящий, хотя в то же время ограниченный и болтливый старик. Он отличный администратор, примерный отец; вспомните его наставления сыну своему Лаерту при отъезде того за границу, – наставления, которые могут поспорить в мудрости с известными распоряжениями губернатора Санчо-Пансы на острове Баратария. Для Полония Гамлет не столько сумасшедший, сколько ребенок, и если бы он не был королевским сыном, он бы презирал его за его коренную бесполезность, за невозможность положительного и дельного применения его мыслей. Известная сцена облака, между Гамлетом и Полонием, – сцена, в которой Гамлет воображает, что дурачит старика, имеет для нас явный смысл, подтверждающий наше воззрение... Мы позволим себе напомнить ее вам:

Полоний. Королева желает говорить с вами, принц, и притом сейчас.

Гамлет. Видите это облако? Точно ласточка.

Полоний. Совершенная ласточка.

Гамлет. Мне кажется, оно похоже на верблюда.

Полоний. Спина точь-в-точь как у верблюда.

Гамлет. Иль как у кита?

Полоний. Совершенный кит.

Гамлет. Хорошо. – Так я иду к матушке.^[8]

Не явно ли, что в этой сцене Полоний в одно и то же время придворный, который угождает принцу, и взрослый, который не хочет перечить больному, блажному мальчику? Полоний ни на волос не верит Гамлету, и он прав; со всей свойственной ему ограниченной самонадеянностью он приписывает блажь Гамлета его любви к Офелии, и в этом он, конечно, ошибается; но он не ошибается в оценке его характера. Гамлеты точно бесполезны массе; они ей ничего

не дают, они ее никуда вести не могут, потому что сами никуда не идут. Да и как вести, когда не знаешь, есть ли земля под ногами? Притом же Гамлеты презирают толпу. Кто самого себя не уважает – кого, что может тот уважать? Да и стоит ли заниматься массой? Она так груба и грязна! а Гамлет – аристократ, не по одному рождению.

Совсем другое зрелище представляет нам Санчо-Панса. Он, напротив, смеется над Дон-Кихотом, знает очень хорошо, что он сумасшедший, но три раза покидает свою родину, дом, жену, дочь, чтобы идти за этим сумасшедшим человеком, следует за ним повсюду, подвергается всякого рода неприятностям, предан ему по самую смерть, верит ему, гордится им и рыдает коленопреклоненный у бедного ложа, где кончается его бывший господин. Надеждою на прибыль, на личные выгоды – этой преданности объяснить нельзя; у Санчо-Пансы слишком много здравого смысла; он очень хорошо знает, что, кроме побоев, оруженосцу странствующего рыцаря почти нечего ожидать. Причину его преданности следует искать глубже; она, если можно так выразиться, коренится в едва ли не лучшем свойстве массы, в способности счастливого и честного ослепления (увы! ей знакомы и другие ослепления), в способности бескорыстного энтузиазма, презрения к прямым личным выгодам, которое для бедного человека почти равносильно с презрением к насущному хлебу. Великое, всемирно-историческое свойство! Масса людей всегда кончает тем, что идет, беззаветно веруя, за теми личностями, над которыми она сама глумилась, которых даже проклинала и преследовала, но которые, не боясь ни ее преследований, ни проклятий, не боясь даже ее смеха, идут неуклонно вперед, вперив духовный взор в ими только видимую цель, ищут, падают, поднимаются, и наконец находят... и по праву; только тот и находит, кого ведет сердце. *Les grandes pensées viennent du coeur*¹,^[9] – сказал Вовенарг. А Гамлеты ничего не находят, ничего не изобретают и не оставляют следа за собою, кроме следа собственной личности, не оставляют за собою дела. Они не любят и не верят; что же они могут найти? Даже в химии (не говоря уже об органической природе), для того чтобы явилось третье вещество, надобно соединение двух; а Гамлеты всё только собою заняты; они одиноки, а потому бесплодны.

Но возразят нам: «Офелия? разве Гамлет ее не любит?»

Поговорим о ней – и кстати о Дульцинее.

В отношениях наших двух типов к женщине есть также много знаменательного.

Дон-Кихот любит Дульцинею, несуществующую женщину, и готов умереть за нее (вспомните его слова, когда, побежденный, поверженный в прах, он говорит своему победителю, уже занесшему на него копьё: «Колите меня, рыцарь, но да не послужит моя слабость к уменьшению славы Дульциinei; я все-таки утверждаю, что она совершеннейшая красавица в мире»). Он любит идеально, чисто, до того идеально, что даже не подозревает, что предмет его страсти вовсе не существует; до того чисто, что, когда Дульцинея является перед ним в образе грубой и грязной мужички, он не верит свидетельству глаз своих и считает ее превращенной злым волшебником. Мы сами на своем веку, в наших странствованиях, видали людей, умирающих за столь же мало существующую Дульцинею или за грубое и часто грязное нечто, в котором они видели осуществление своего идеала и превращение которого они также приписывали влиянию злых, – мы чуть было не сказали: волшебников – злых случайностей и личностей. Мы видели их, и когда переведутся такие люди, пускай закроется навсегда книга истории! в ней нечего будет читать. Чувственности и следа нет у Дон-Кихота; все мечты его стыдливы и безгрешны, и едва ли в тайной глубине своего сердца надеется он на конечное соединение с Дульцинеей, едва ли не страшится он даже этого соединения!

А Гамлет, неужели он любит? Неужели сам иронический его творец, глубочайший знаток человеческого сердца, решился дать эгоисту, скептику, проникнутому всем разлагающим ядом анализа, любящее, преданное сердце? Шекспир не впал в это противоречие, и внимательному

¹ Великие мысли исходят из сердца (франц.).

читателю не стоит большого труда, чтобы убедиться в том, что Гамлет, человек чувственный и даже втайне сластолюбивый (придворный Розенкранц недаром улыбается молча, когда Гамлет говорит при нем, что ему женщины надоели), что Гамлет, говорим мы, не любит, но только притворяется, и то небрежно, что любит. Мы имеем на то свидетельство самого Шекспира.

В первой сцене третьего действия Гамлет говорит Офелии:

Гамлет. Я любил тебя когда-то.

Офелия. Принц, вы заставили меня этому верить.

Гамлет. А не должно было верить!.. *Я не любил тебя.*^[10]

И, сказавши это последнее слово, Гамлет гораздо ближе к правде, чем сам полагает. Чувства его к Офелии, существу невинному и ясному до святости, либо циничны (вспомните его слова, его двусмысленные намеки, когда он, в сцене представления на театре, просит у ней позволения полежать... у ее колен), либо фразисты (обратите ваше внимание на сцену между ним и Лаертом, когда он впрыгивает в могилу Офелии и говорит языком, достойным Брамарбаса^[11] или капитана Пистоля:^[12] «Сорок тысяч братьев не могут со мной поспорить! пусть на нас навалют миллион холмов!»^[13] и т. д.). Все его отношения к Офелии опять-таки для него не что иное, как занятие самим собою, и в восклицании его: «О нимфа! помани меня в своих святых молитвах», мы видим одно лишь глубокое сознание собственного болезненного бессилия – бессилия полюбить, – почти суеверно преклоняющегося перед «святыней чистоты».

Но довольно говорить о темных сторонах гамлетовского типа, о тех сторонах, которые именно потому нас более раздражают, что они нам ближе и понятнее. Постараемся оценить то, что в нем законно и потому вечно. В нем воплощено начало отрицания, то самое начало, которое другой великий поэт, отделив его от всего чисто человеческого, представил нам в образе Мефистофеля. Гамлет тот же Мефистофель, но Мефистофель, заключенный в живой круг человеческой природы; оттого его отрицание не есть зло – оно само направлено противу зла. Отрицание Гамлета сомневается в добре, но во зле оно не сомневается и вступает с ним в ожесточенный бой. В добре оно сомневается, т. е. оно заподозревает его истину и искренность и нападает на него не как на добро, а как на поддельное добро, под личиной которого опять-таки скрываются зло и ложь, его исконные враги: Гамлет не хохочет демонски-безучастным хохотом Мефистофеля; в самой его горькой улыбке есть унылость, которая говорит о его страданиях и потому примиряет с ним. Скептицизм Гамлета не есть также индифферентизм, и в этом состоит его значение и достоинство; добро и зло, истина и ложь, красота и безобразие не сливаются перед ним в одно случайное, немое, тупое нечто. Скептицизм Гамлета, не веря в современное, так сказать, осуществление истины, непримиримо враждует с ложью и тем самым становится одним из главных поборников той истины, в которую не может вполне поверить. Но в отрицании, как в огне, есть истребляющая сила – и как удержать эту силу в границах, как указать ей, где ей именно остановиться, когда то, что она должна истребить, и то, что ей следует пощадить, часто слито и связано неразрывно? Вот где является нам столь часто замеченная трагическая сторона человеческой жизни: для дела нужна воля, для дела нужна мысль; но мысль и воля разъединились и с каждым днем разъединяются более...

And thus the native hue of resolution
Is sicklied o'er by the pale cast of thought...^[14]

(Прирожденный румянец воли
Блекнет и болеет, покрываясь бледностью мысли...), —

говорит нам Шекспир устами Гамлета... И вот, с одной стороны стоят Гамлеты мыслящие, сознательные, часто всеобъемлющие, но также часто бесполезные и осужденные на неподвижность; а с другой – полубезумные Дон-Кихоты, которые потому только и приносят пользу

и подвигают людей, что видят и знают одну лишь точку, часто даже не существующую в том образе, какую они ее видят. Невольно рождаются вопросы: неужели же надо быть сумасшедшим, чтобы верить в истину? и неужели же ум, овладевший собою, по тому самому лишается всей своей силы?

Далеко бы повело нас даже поверхностное обсуждение этих вопросов.

Ограничимся замечанием, что в этом разъединении, в этом дуализме, о котором мы упомянули, мы должны признать коренной закон всей человеческой жизни; вся эта жизнь есть не что иное, как вечное примирение и вечная борьба двух непрестанно разъединенных и непрестанно сливающихся начал. Если бы мы не боялись испугать ваши уши философическими терминами, мы бы решились сказать, что Гамлеты суть выражение коренной центростремительной силы природы, по которой всё живущее считает себя центром творения и на всё остальное взирает как на существующее только для него (так комар, севший на лоб Александра Македонского, с спокойной уверенностью в своем праве, питался его кровью, как следующей ему пищей; так точно и Гамлет, хотя и презирает себя, чего комар не делает, ибо он до этого не возвысился, так точно и Гамлет, говорим мы, постоянно всё относит к самому себе). Без этой центростремительной силы (силы эгоизма) природа существовать бы не могла, точно так же как и без другой, центробежной силы, по закону которой всё существующее существует только для другого (эту силу, этот принцип преданности и жертвы, освещенный, как мы уже сказали, комическим светом – чтобы гусей не раздражить, – этот принцип представляют собою Дон-Кихоты). Эти две силы косности и движения, консерватизма и прогресса, суть основные силы всего существующего. Они объясняют нам растение цветка, и они же дают нам ключ к уразумению развития могущественнейших народов.

Спешим перейти от этих, быть может, неуместных умозрений к другим более привычным нам соображениям.

Нам известно, что из всех произведений Шекспира едва ли не самое популярное – «Гамлет». Эта трагедия принадлежит к числу пьес, несомненно и всякий раз наполняющих театр. При современном состоянии нашей публики, при ее стремлении к самосознанию и размышлению, при ее сомнении в самой себе и ее молодости – это явление понятно; но, не говоря о красотах, которыми преисполнено это, быть может, замечательнейшее произведение новейшего духа, нельзя не удивляться гению, который, будучи сам во многом сродни своему Гамлету, отделил его от себя свободным движением творческой силы – и поставил его образ на вечное изучение потомству. Дух, создавший этот образ, есть дух северного человека, дух рефлексии и анализа, дух тяжелый, мрачный, лишенный гармонии и светлых красок, не закругленный в изящные, часто мелкие формы, но глубокий, сильный, разнообразный, самостоятельный, руководящий. Из самых недр своих извлек он тип Гамлета и тем самым показал, что и в области поэзии, как и в других областях народной жизни, он стоит выше своего чада, потому что вполне понимает его.

Дух южного человека опочил на создании Дон-Кихота, дух светлый, веселый, наивный, восприимчивый, не идущий в глубину жизни, не обнимающий, но отражающий все ее явления. Мы не можем здесь противиться желанию – не провести параллель между Шекспиром и Сервантесом, а только указать на некоторые точки различия и сходства между ними. Шекспир и Сервантес, подумают иные, какое же тут может быть сравнение? Шекспир – этот гигант, полубог... Да; но не пигмеем является Сервантес перед гигантом, сотворившим «Короля Лира», но человеком, и человеком вполне; а человек имеет право стоять на своих ногах даже перед полубогом. Бесспорно, Шекспир подавляет Сервантеса – и не его одного – богатством и мощью своей фантазии, блеском высочайшей поэзии, глубиной и обширностью громадного ума; но вы не найдете в романе Сервантеса ни натянутых острот, ни неестественных сравнений, ни приторных кончетти; вы также не встретите на его страницах этих отрубленных голов, вырванных глаз, всех этих потоков крови, этой железной и тупой жестокости, грозного наследия средних

веков, варварства, медленнее исчезающего в северных, упорных натурах; а между тем Сервантес, как и Шекспир, был современник Варфоломеевской ночи; и еще долго после них сожигались еретики и кровь лилась; да и перестанет ли она когда-нибудь литься? Средние века сказались в «Дон-Кихоте» отблеском провансальской поэзии, сказочной грацией тех самых романов, над которыми Сервантес так добродушно посмеялся и которым сам же заплатил последнюю дань в «Персилесе и Сигизмунде»².^[15] Шекспир берет свои образы отовсюду – с неба, с земли – нет ему запрету; ничто не может избегнуть его всепроникающего взора; он исторгает их с неотразимой силой, с силой орла, падающего на свою добычу. Сервантес ласково выводит перед читателем свои немногочисленные образы, как отец своих детей; он берет только то, что близко ему, но это близкое так ему знакомо! Всё человеческое кажется подвластным могучему гению английского поэта; Сервантес черпает свое богатство из одной своей души, ясной, кроткой, богатой жизненным опытом, но не ожесточенной им: недаром в течение семилетнего тяжкого плена Сервантес учился, как он сам говорил, науке терпенья; круг, ему подвластный, теснее шекспировского; но в нем, как и в каждом отдельном живом существе, отражается всё человеческое. Сервантес не озарит вас молниеносным словом; он не потрясает вас титанической силой победоносного вдохновения; его поэзия – не шекспировское, иногда мутное море, это – глубокая река, спокойно текущая между разнообразными берегами; и понекому увлеченный, охваченный со всех сторон ее прозрачными волнами, читатель радостно отдается истинно эпической тишине и плавности ее течения. Воображение охотно вызывает пред собою образы обоих современников-поэтов, которые и умерли в один и тот же день, 26 апреля 1616 года.^[16] Сервантес, вероятно, ничего не знал о Шекспире; но великий трагик, в тишине своего стратфордского дома, куда он удалился за три года до смерти, мог прочесть знаменитый роман, который был уже тогда переведен на английский язык... Картина, достойная кисти живописца-мыслителя: Шекспир, читающий «Дон-Кихота»! Счастливы страны, среди которых возникают такие люди, учителя современников и потомков! Неувядаемый лавр, которым увенчивается великий человек, ложится также на чело его народа.

Кончая наш далеко не полный этюд, мы просим позволения сообщить вам еще несколько отдельных замечаний.

Один английский лорд^[17] (хороший судья в этом деле) называл при нас Дон-Кихота образцом настоящего джентльмена. Действительно, если простота и спокойствие обращения служат отличительным признаком так называемого порядочного человека, Дон-Кихот имеет полное право на это название. Он истинный гidalго, гidalго даже тогда, когда насмешливые служанки герцога намыливают ему всё лицо. Простота его манер происходит от отсутствия того, что мы бы решились назвать не самолюбием, а *самоуверенностью*; Дон-Кихот не занят собою и, уважая себя и других, не думает рисоваться; а Гамлет, при всей своей изящной обстановке, нам кажется, извините за французское выражение: *ayant des airs de parvenu*³; он тревожен, иногда даже груб, позирует и глумится. Зато ему дана сила своеобразного и меткого выражения, сила, свойственная всякой размышляющей и разрабатывающей себя личности – и потому вовсе недоступная Дон-Кихоту. Глубина и тонкость анализа в Гамлете, его многосторонняя образованность (не должно забывать, что он учился в Виттенбергском университете) развили в нем вкус почти непогрешительный. Он превосходный критик; советы его актерам поразительно верны и умны; чувство изящного почти так же сильно в нем, как чувство долга в Дон-Кихоте.

Дон-Кихот глубоко уважает все существующие установления, религию, монархов и герцогов, и в то же время свободен и признает свободу других. Гамлет бранит королей, придворных – и в сущности притеснителен и нетерпим.

² Известно, что рыцарский роман «Персилес и Сигизмунда» явился *после* первой части «Дон-Кихота».

³ держит себя как выскочка (*франц.*).

Дон-Кихот едва знает грамоте, Гамлет, вероятно, вел дневник. Дон-Кихот, при всем своем невежестве, имеет определенный образ мыслей о государственных делах, об администрации; Гамлету некогда, да и незачем этим заниматься.

Много восставали против бесконечных побоев, которыми Сервантес обременяет Дон-Кихота. Мы заметили выше, что во второй части романа бедного рыцаря уже почти не бьют; но мы прибавим, что без этих побоев он бы меньше нравился детям, которые с такою жадностью читают его похождения, – да и нам, взрослым, он бы показался не в своем истинном свете, но как-то холодно и надменно, что противоречило бы его характеру. Мы сейчас сказали, что во второй части уже не бьют его; но в самом ее конце, после решительного поражения Дон-Кихота рыцарем *светлого месяца*, переодетым бакалавром, после его отречения от рыцарства, незадолго до его смерти – стадо свиней топчет его ногами. Нам не однажды довелось слышать укоры Сервантесу – зачем он это написал, как бы повторяя старые, уже брошенные шутки; но и тут Сервантесом руководил инстинкт гения – и в самом этом безобразном приключении лежит глубокий смысл. Попирание свинными ногами встречается всегда в жизни Дон-Кихотов – именно перед ее концом; это последняя дань, которую они должны заплатить грубой случайности, равнодушному и дерзкому непониманию... Это пощечина фарисея... Потом они могут умереть. Они прошли через весь огонь горнила, завоевали себе бессмертие – и оно открывается перед ними.

Гамлет при случае коварен и даже жесток. Вспомните устроенную им погибель двух посланных в Англию от короля придворных, вспомните его речь об убитом им Полонии. Впрочем, мы в этом видим, как мы уже сказали, отражение еще недавно минувших средних веков. С другой стороны, мы в честном, правдивом Дон-Кихоте обязаны подметить склонность к полусознательному, полуневинному обману, к самообольщению – склонность, почти всегда присущую фантазии энтузиаста. Рассказ его о том, что он видел в пещере Монтезиноса, явно им выдуман и не обманул хитрого простака Санчо-Пансу.

Гамлет от малейшей неудачи падает духом и жалуется; а Дон-Кихот, исколоченный галерными преступниками до невозможности пошевелиться, нимало не сомневается в успехе своего предприятия. Так, говорят, Фурье ежедневно, в течение многих лет, ходил на свидание с англичанином, которого он вызывал в газетах для снабжения ему миллиона франков на приведение в исполнение его планов и который, разумеется, никогда не явился. Это, бесспорно, очень смешно; но вот что нам приходит в голову: древние называли своих богов завистливыми – и в случае нужды считали полезным укрощать их добровольными жертвами (вспомните кольцо, брошенное в море Поликратом); почему и нам не думать, что некоторая доля смешного неминуемо должна примешиваться к поступкам, к самому характеру людей, призванных на великое новое дело, как дань, как успокоительная жертва завистливым богам? А все-таки без этих смешных Дон-Кихотов, без этих чудаков-изобретателей не подвигалось бы вперед человечество – и не над чем было бы размышлять Гамлетам.

Да, повторяем: Дон-Кихоты находят – Гамлеты разрабатывают. Но как же, спросят нас, могут Гамлеты что-нибудь разрабатывать, когда они во всем сомневаются и ничему не верят? На это мы возразим, что, по мудрому распоряжению природы, полных Гамлетов, точно так же как и полных Дон-Кихотов, нет: это только крайние выражения двух направлений, вехи, выставленные поэтами на двух различных путях. К ним стремится жизнь, никогда их не достигая. Не должно забывать, что как принцип анализа доведен в Гамлете до трагизма, так принцип энтузиазма – в Дон-Кихоте до комизма, а в жизни вполне комическое и вполне трагическое встречается редко.

Гамлет много выигрывает в наших глазах от привязанности к нему Горация. Это лицо прелестно и попадает довольно часто в наше время, к чести нашего времени. В Горации мы признаем тип последователя, ученика в лучшем смысле этого слова. С характером стоическим и прямым, с горячим сердцем, с несколько ограниченным умом, он чувствует свой недостаток

и скромен, что редко бывает с ограниченными людьми; он жаждет поучения, наставления и потому благоговеет перед умным Гамлетом и предается ему всей силой своей честной души, не требуя даже взаимности. Он подчиняется ему не как принцу, а как главе. Одна из важнейших заслуг Гамлетов состоит в том, что они образуют и развивают людей, подобных Горацию, людей, которые, приняв от них семена мысли, оплодотворяют их в своем сердце и разносят их потом по всему миру. Слова, которыми Гамлет признает значение Горация, делают честь ему самому. В них выражаются собственные его понятия о высоком достоинстве человека, его благородные стремления, которых никакой скептицизм ослабить не в силах. «Послушай, – говорит он ему, —

С той поры, как это сердце
Властителем своих избраний стало
И научилось различать людей,
Оно тебя избрало перед всеми.
Страдая, ты, казалось, не страдал.
Ты брал удары и дары судьбы,
Благодаря за то и за другое.
И ты благословен: рассудок с кровью
В тебе так смешаны, что ты не служишь
Для счастья дудкою, не издаешь
По прихоти его различных звуков.
Дай мужа мне, которого бы страсть
Не делала рабом, – и я укрою
Его в души моей святейших недрах,
Как я тебя укрыв⁴.^[18]

Честный скептик всегда уважает стойка. Когда распадался древний мир – и в каждую эпоху, подобную той эпохе, – лучшие люди спасались в стоицизм, как в единственное убежище, где еще могло сохраниться человеческое достоинство. Скептики, если не имели силы умереть – «отправиться в ту страну, откуда ни один еще путник не возвращался», – делались эпикурейцами. Явление понятное, печальное и слишком знакомое нам!

И Гамлет, и Дон-Кихот умирают трогательно; но как различна кончина обоих! Прекрасны последние слова Гамлета. Он смиряется, утихает, приказывает Горацию жить, подает свой предсмертный голос в пользу молодого Фортинбраса, ничем не запятнанного представителя права наследства... но взор Гамлета не обращается вперед... «Остальное... молчание», – говорит умирающий скептик – и действительно умолкает навеки. Смерть Дон-Кихота навеивает на душу несказанное умиление. В это мгновение всё великое значение этого лица становится доступным каждому. Когда бывший его оруженосец, желая его утешить, говорит ему, что они скоро снова отправятся на рыцарские похождения: «Нет, – отвечает умирающий, – всё это навсегда прошло, и я прошу у всех прощения; я уже не Дон-Кихот, я снова Алонзо добрый, как меня некогда называли, – Alonso el Bueno».

Это слово удивительно; упоминание этого прозвища, в первый и последний раз – потрясает читателя. Да, одно это слово имеет еще значение перед лицом смерти. Всё пройдет, всё исчезнет, высочайший сан, власть, всеобъемлющий гений, всё рассыплется прахом...

Всё великое земное
Разлетается, как дым...^[19]

⁴ Гамлет – перевод А. Кронеберга. Харьков, 1844, стр. 107.

Но добрые дела не разлетятся дымом; они долговечнее самой сияющей красоты. «Всё минется, – сказал апостол, – одна любовь останется».^[20]

Нам нечего прибавлять после этих слов. Мы почтем себя счастливыми, если указанием на те два коренные направления человеческого духа, о которых мы говорили перед вами, мы возбудили в вас некоторые мысли, быть может, даже не согласные с нашими, – если мы, хотя приблизительно, исполнили нашу задачу и не утомили вашего благосклонного внимания.

Примечания

Источники текста

Черновой автограф, включающий: «Содержание» – изложение основного замысла статьи, «Отдельные замечания», а также первоначальный набросок, охватывающий примерно четверть статьи. Хранится в отделе рукописей *Bibl Nat*, Slave 88; описание см.: *Mazon*, p. 58; фотокопия – *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 192; публикация: *Т сб*, вып. 2, с. 75–82.

Совр, 1860, № 1, отд. I, с. 239–258.

Т, Соч, 1868–1871, ч. 4, с. 237–260.

Т, Соч, 1874, ч. 4, с. 233–256.

Т, Соч, 1880, т. I, с. 333–354.

Впервые опубликовало: *Совр*, 1860, № 1, отд. I, с. 239–258, с подписью: Ив. Тургенев (ценз. разр. 31 дек. 1859 и 21 янв. 1860).

Перепечатывалось в изданиях *Т*, Соч, 1868–1871, *Т*, Соч, 1874, *Т*, Соч, 1880 с незначительными стилистическими изменениями. Например, вместо: «в силу своего принципа – или, говоря точнее, – в силу своего идеала» (*Совр*) – «в силу своего принципа, своего идеала» (*Т*, Соч, 1868–1871, *Т*, Соч, 1874, *Т*, Соч, 1880; см. наст. том, с. 331) или вместо: «всем возможным лишениям» (*Т*, Соч, 1868–1871, *Т*, Соч, 1874) – «всево́зможным лишениям» (*Т*, Соч, 1880; см. наст. том, с. 332) и т. п. (Всего обнаружено девять подобных вариантов.)

Автограф полной редакции статьи неизвестен. Сохранились лишь черновые наброски.

В настоящем издании печатается по последнему авторизованному тексту *Т*, Соч, 1880 с учетом списка опечаток, приложенного к *Т*, Соч, 1880, с устранением явных опечаток, не замеченных Тургеневым, а также со следующими исправлениями по другим источникам:

Стр. 331, строка 30: «находится» вместо «находятся» (по всем другим печатным источникам).

Стр. 336, строки 21–22: «при отъезде того за границу» вместо «при отъезде за границу» (по *Совр*).

Стр. 339, строки 22–23: «двусмысленные намеки» вместо «двумысленныс намеки» (по *Совр*).

Стр. 344, строка 27: «почти так же сильно» вместо «почти так сильно» (по *Совр* и *Т*, Соч, 1868–1871).

Стр. 345, строка 11: «не однажды» вместо «однажды» (по *Совр*).

Стр. 346, строки 9–10: «без этих смешных Дон-Кихотов, без этих чудаков-изобретателей» вместо «без этих смешных чудаков-изобретатели» (по всем другим печатным источникам).

Стр. 348, строка 19: «о которых» вместо «о котором» (по *Совр*).

Статья «Гамлет и Дон-Кихот» была задумана Тургеневым задолго до ее написания. Суждения о Гамлете содержались уже в его письме к Полине Виардо от 13 (25) декабря 1847 г. Решающим моментом в возникновении замысла статьи были, по-видимому, размышления Тургенева над революционными событиями 1848 года, за которыми он внимательно следил в Париже. Намек на это можно видеть в словах статьи, связанных с характеристикой Дон-Кихота: «Мы сами на своем веку, в наших странствованиях, видали людей, умирающих за столь же мало существующую Дульцинею...» и т. д. (наст. том, с. 338).^[21]

По свидетельству Е. М. Феоктистова, осенью 1850 г., когда он познакомился с Тургеневым, последний много рассказывал своим собеседникам как очевидец о Февральской революции и последовавших за нею событиях (Феоктистов Е. М. Воспоминания. За кулисами поли-

тики и литературы. Л., 1929, с. 1). Тогда же писатель делился со слушателями замыслом своей статьи, что видно из письма Феоктистова к нему от 5 (17) сентября 1851 г.: «...особенно желал бы я видеть статью по поводу Гамлета и Дон-Кихота, о которой мы так давно рассуждали в Москве» (цит. по кн.: Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.; Л.: АН СССР, 1958, с. 164).

Но к работе над статьей Тургенев приступил лишь спустя несколько лет. 3 (15) октября 1856 г., сообщая И. И. Панаеву из Куртавнеля о своих литературных работах, предпринятых для «Современника», Тургенев писал: «Кроме того, у меня до Нового года будет готова статья под заглавием: „Гамлет и Дон-Кихот“. Если ты найдешь нужным, можешь поместить это в объявлении». Статья в это время еще не была начата, но Тургенев был уверен, что, начав, он сумеет быстро ее закончить. Он писал Панаеву из Парижа 29 октября (10 ноября) 1856 г., что возьмется за статью сразу же по окончании новой редакции «Нахлебника», и 16 (28) декабря, что, отложив «Дворянское гнездо», он «принялся за „Гамлета и Д<он>-Кихота“» и закончит и вышлет статью «непременно на днях».

Панаев, заинтересовавшись «Гамлетом и Дон-Кихотом», ждал статью, как он писал Тургеневу 6 (18) декабря 1856 г., «с бóльшим нетерпением», чем другие произведения писателя, и письмом от 3 (15) января 1857 г. торопил его с окончанием (*Т и круг Совр*, с. 58, 69–70). Торопил Тургенева и В. П. Боткин, также ожидавший статью «с великим нетерпением» (см.: *Боткин и Т*, с. 113). Ответ Панаеву от 12 (24) января 1857 г., в котором Тургенев сообщал, что из-за болезни он ничего не пришлет ко 2-му номеру «Современника», заставил его друзей усомниться в том, что он действительно начал статью, о чем Панаев и написал ему 24 января (5 февраля) (*Т и круг Совр*, с. 78).

К работе над статьей Тургенев приступил только 27 февраля (11 марта) 1857 г., на другой день после окончания «Поездки в Полесье», находясь в Дижоне, куда он приехал на неделю 25 февраля (9 марта) вместе с Л. Н. Толстым (см. письмо Тургенева к П. В. Анненкову от 26 февраля (10 марта) 1857 г.). Первоначально был составлен сохранившийся черновой набросок, в котором под заглавиями «Содержание» и «Отдельные замечания» были конспективно изложены основные мысли статьи, записывавшиеся по мере их возникновения, независимо от последующей композиции^[22]. В тот же день Тургенев прочел свои записи Толстому, который отметил в дневнике: «Т<ургенев> прочел конспект Г. и Ф. – хороший материал, не бесполезно и умно очень» (*Толстой*, т. 47, с. 117. «Г. и Ф.» – несомненно «Гамлет и Фауст»; ошибка Толстого, видимо, вызвана тем, что в беседе писатели касались и «Фауста» Гёте. Характерно, что и Панаев в цитированном выше письме от 6 (18) декабря 1856 г. также называл статью «Гамлет и Фауст»). Отзвуком этой беседы и споров Тургенева с Толстым явилось следующее замечание (10) в черновых набросках: «Можно сказать, что есть примеры более сильного эгоизма, чем Гамлет (замечание Толстого). – Купец, алчущий богатства и т. д. – Но в купце нет этого постоянного обращения к самому себе, постоянной возни с самим собою, в чем заключается отличительный> призн<ак> Гам<лето>в» (*Т сб*, вып. 2, с. 78)^[23].

Приступив к работе над статьей, Тургенев заверяет Панаева в письме от 6 (18) марта, что статья «почти совсем готова», а 26 марта (7 апреля) пишет ему, что кончит «Гамлета «Дон-Кихота» «через три недели». Несмотря на эти заверения, а также новые напоминания и просьбы Панаева в письмах от 16 (28) марта и 6 (18) апреля (*Т и круг Совр*, с. 84, 89), статья в 1857 г. так и не была написана, и осенью 1857 г. редакция «Современника» потеряла всякую надежду на ее получение. «Мы убеждены, – писал Панаев Боткину 16 (28) октября, – что *Ася, Дон-Кихот и Гамлет* – всё это пuffy» (*Т и круг Совр*, с. 429).

В январе 1858 г. Тургенев вновь вернулся к статье. Он пишет Панаеву 1 (13) января из Рима, что надеется приехать в мае в Россию «вместе с нескончаемым „Гамлетом и Д<он>-К<ихотом>“, а Некрасову 18 (30) января обещает, что еще до возвращения вышлет «„Гамлета“, который уже давным-давно родился и просится на свет божий».

21 мая (2 июня) 1858 г. Тургенев писал из Парижа в Лондон Боткину, прося его «нимало не медля» переслать забытую там черновую тетрадь с планом «Гамлета и Дон-Кихота», необходимым ему для работы. О том, что он принял за «статью о Гамлете и Д<он>-Кихоте», он сообщил 10 (22) декабря М. Н. Каткову, обещая отдать ее в «Русский вестник», если на то согласятся редакторы «Современника». Однако этого согласия Тургенев, видимо, не получил.

Окончена статья была только через год, 28 декабря 1859 г. (9 января 1860 г.), и напечатана в январском номере «Современника» за 1860 г. 10 (22) января Тургенев прочел ее на публичном чтении, организованном Обществом для вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым (Литературным фондом) в Петербурге в зале Пассажа. На следующий день он сообщал дочери, что чтение «прошло с необычайным успехом. Твоему отцу неистово аплодировали, что заставило его с глупейшим видом бормотать, не помню уж какие, слова благодарности». Е. А. Штакеншнейдер записала в дневнике вечером 10 (22) января под свежим впечатлением речи: «...что было, когда <...> вступил на эстраду Тургенев, и описать нельзя. Уста, руки, ноги гремели во славу его <...> Такой же взрыв рукоплесканий, как при встрече, и проводил его» (Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886). М.; Л., 1934, с. 246). А. Д. Галахов вспоминал впоследствии о выступлении Тургенева: «Надобно было присутствовать, чтобы понять впечатление, произведенное его выходом. Он долго не мог начать чтение, встреченный шумными, громкими рукоплесканиями, и даже несколько смутился от такого приема, доказавшего, что он был в то время наш излюбленный беллетрист» (Галахов А. Д. Сороковые годы. – *ИВ*, 1892, т. XLVII, № 1, с. 141). 25 января (6 февраля) 1860 г. Тургенев прочел свою речь вторично на чтениях, организованных Литературным фондом в Москве.

Впоследствии статья была переведена на французский язык. Рукопись перевода сохранилась в парижском архиве писателя, находящемся в настоящее время в Национальной библиотеке в Париже.

Впечатления от революции 1848 года были лишь исходным моментом в возникновении замысла статьи. Писалась статья в период подготовки в России общественных реформ, а завершена была в годы революционной ситуации. Одним из наиболее актуальных вопросов в это время был вопрос о типе общественных деятелей, способных осуществить необходимые преобразования в стране, на что прямо указывали революционные демократы^[24]. Тургенев также считал, что нужны «сознательно-героические натуры», и эта мысль была им положена в основу романа «Накануне» (см. письмо И. С. Аксакову от 13 (25) ноября 1859 г.). В статье «Гамлет и Дон-Кихот» он также противопоставлял людей дела и людей рефлексии, утверждая насущную необходимость первых – энергичных, бесстрашных, беззаветно преданных идее и связанных с народом – и осуждая вторых с их эгоизмом, скепсисом, бездеятельностью. Эти идеи были осложнены литературными реминисценциями, облечены в образы Дон-Кихота и Гамлета. Но хотя в своей статье Тургенев опирался на содержание, а иногда и на текст соответствующих произведений Шекспира и Сервантеса, он допускал и значительные отступления от них, когда этого требовало логическое развитие его интерпретации этих литературных типов^[25]. Гамлет и Дон-Кихот рассматривались вне эпохи их создания, как извечно существующие типы, «две коренные, противоположные особенности человеческой природы»^[26]. Для правильного понимания смысла, вкладываемого Тургеневым в образы Гамлета и Дон-Кихота, важнее уяснить отношение статьи не к произведениям Шекспира и Сервантеса, но к традиции истолкования этих образов, с которой писатель был хорошо знаком.

Большое значение для Тургенева, по-видимому, имела европейская традиция гамлетизма, когда образ датского принца, его страдания, соответственно осмысленные, проецировались на духовную жизнь некоего поколения, общественной группировки, а иногда даже целой нации, переживавшей кризисное состояние своей истории. Концепция гамлетизма закономерно возникла в политически раздробленной, феодально отсталой Германии, мыслители которой ощущали жалкое существование своей страны и невозможность каких-либо преобра-

зований, ибо не было реальной силы, способной совершить переворот. Немецкие интерпретаторы Гамлета в первой половине XIX в. придавали образу злободневное политическое истолкование, рассматривая его как своего рода пророческий символ немецкого народа, неспособного к решительной борьбе за свое освобождение. Еще Людвиг Берне считал Гамлета копией немцев («Hamlet von Shakespeare», 1829). В дальнейшем эту мысль подхватил Ф. Фрейлиграт, пустивший в оборот выражение: «Гамлет – это Германия» («Hamlet», 1844).

У Берне уже намечилось истолкование Гамлета как эгоиста. «Как фихтеанец, – писал критик о датском принце, – он только и думает о том, что *я есть я*, и только и делает, что сует везде свое Я. Он живет словами, и, как историограф своей собственной жизни, он постоянно ходит с записною книжкою в кармане» (Börne Ludwig. Gesammelte Schriften 3. Ausg. Stuttgart, 1840. T I. I, S. 385).

Еще более определенно об эгоизме Гамлета и подобных ему современных общественных деятелей писал Гервинус: «...непомерный эгоизм, обычный плод исключительно духовной жизни, заставляет их всё относить к самим себе, как будто каждый из них в отдельности был представителем целого мира, и со всем тем этот эгоизм не дает им удовлетворить никакому требованию. А когда они начинают сами сознавать такую свою слабость, они обращают свое презрение против самих себя, и Гамлет осмеивает самого себя за то, что такие людишки, как он, осуждены ползти себе между небом и землею» (Gervinus G.G. Shakespeare. Leipzig, 1849. Bd. III, S. 289).

В России гамлетизм как форма общественного сознания возник в мрачную эпоху николаевского царствования, отражая трагическое противоречие между духовными запросами и стремлениями передовой части общества и ее политическим бесправием^[27]. Одним из первых здесь отметил актуальное значение «Гамлета» Н. А. Полевой, который перевел трагедию в 1836 г. В своей речи, предварявшей читку перевода актерам Московского театра, он связывал ее с современностью, говорил, что «Гамлет по своему миросозерцанию <...> человек нашего времени»; «мы плачем вместе с Гамлетом и плачем о самих себе» (Театральная газета, 1877, № 81, 5 сент., с. 255; № 84, 8 сент., с. 266). Опираясь на суждение Гёте о слабости Гамлета (ср. Wilhelm Meisters Lehrjahre, Buch IV, Kap. 13), считая «краеугольным камнем» трагедии «мысль – *слабость воли против долга*», Полевой уподоблял датского принца героям своего времени, пережившим разгром декабризма, политически пассивным, бессильным перед лицом наступившей реакции и терзающимся своим бессилием; такое толкование отразилось на переводе, обусловило его злободневность и необычайный успех на русской сцене. При всей своей слабости Гамлет у Полевого оставался положительным героем, ибо в России 1830-х годов не было другой общественной силы, способной противостоять деспотизму самодержавия.

В. Г. Белинский в статье «„Гамлет“. Драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета» (1838), написанной в связи с постановкой Московского театра, утверждал: «Гамлет!.. это вы, это я, это каждый из нас, более или менее, в высоком или смешном, но всегда в жалком и грустном смысле...» (Белинский, т. 2, с. 254). Белинский отошел от концепции Гёте и считал, что «идея Гамлета: *слабость воли, но только вследствие распада, а не по его природе*. От природы Гамлет человек сильный...» (там же, с. 293). Но этот взгляд был связан с усвоенной Белинским гегелевской философией и «примирением с действительностью» 1838–1840 гг.^[28] После перелома в его мировоззрении критик определил Гамлета как «поэтический апофеоз рефлексии» (1840; Белинский, т. 4, с. 253; при этом Белинский цитировал то же место трагедии, что и Тургенев, когда последний писал о разъединении мысли и воли; см. наст. том, с. 340), а его трагическую коллизию – как результат столкновения «двух враждебных сил – долга, повелевающего мстить за смерть отца, и личной неспособности к мщению...» (1841; там же, т. 5, с. 20). Белинский объявил «позорной» нерешительность Гамлета, который «робеет предстоящего подвига, бледнеет страшного вызова, колеблется и только *говорит* вместо того, чтоб *делать*...» (1844; там же, т. 7, с. 313). В Гамлете для Белинского олицетворялась трагедия его поколения

– людей сороковых годов. Осуждение датского принца было самокритичным. В нем звучала скорбь революционного мыслителя и борца, не видевшего реальной возможности вступить в «открытый и отчаянный бой» с «неправедной властью». Поэтому, признавая величие и чистоту души Гамлета, Белинский не видел оправдания слабости его воли и считал справедливым его презрение к самому себе. И в то же время он не мог противопоставить Гамлету иного героя – одновременно и деятельного и возвышающегося над ним нравственно, – ибо такого героя не было в действительности.

Внутреннее родство с Гамлетом ощущал и Тургенев. Он подчеркивал в статье: «...почти каждый находит в нем <Гамлете> собственные черты»; «темные стороны гамлетовского типа» «именно потому нас более раздражают, что они нам ближе и понятнее» (с. 335 и 339). Тургенев сознательно проецировал образ шекспировского принца на современность. По свидетельству И. Я. Павловского, он говорил: «Шекспир изобразил Гамлета, но разве мы теряем что-нибудь от того, что находим и изображаем современных Гамлетов?» (Русский курьер, 1884, № 137, 20 мая). При этом Тургенев, сам сформировавшийся духовно в 1830–1840-е гг., понимал, что активность и общественная значимость того социального слоя, который в России связывался с именем Гамлета, неизбежно падает, что Гамлеты вырождаются в «лишних людей».

В годы, когда Тургенев писал свою статью, в общественной борьбе выдвинулись новые силы, представители которых не походили на Гамлетов сороковых годов. Пытаясь понять и объяснить их, Тургенев уподобил их Дон-Кихоту. Идеализация Дон-Кихота началась еще в первые годы XIX века (в XVII–XVIII веках он обычно считался отрицательным персонажем). Последователь Канта немецкий философ Ф. Бутервек и А.-В. Шлегель начали толковать образ Дон-Кихота как воплощение героического и поэтического энтузиазма, преданности идее, величия духа. Эта мысль была развита Сисмонди в его сочинении «О литературе южной Европы» (1813) и нашла отклик у многих европейских поэтов первой половины XIX века^[29]. Ее же сформулировал и А. Шопенгауэр, философией которого Тургенев увлекался с конца 1850-х годов. Шопенгауэр писал, что Дон-Кихот «аллегоризирует жизнь каждого человека, который не так, как другие, занят только устройством своего личного блага, а стремится за объективной идеальной целью, овладевшей его помыслами и волей, причем, конечно, в этом мире он оказывается странным» (Schopenhauer Arthur. Die Welt als Wille und Vorstellung. Leipzig, 1859. 3. Aufl., Bd. I, Buch 3, § 50, S. 284–285).

Важный для интерпретации Тургенева аспект донкихотства содержался во введении Гейне к немецкому изданию романа Сервантеса (1837), в котором поэт подчеркивал, что «смешное в донкихотстве» заключается не только в том, что «благородный рыцарь пытается оживить давно отжившее прошлое», но «неблагодарным безрассудством является также и попытка слишком рано ввести будущее в настоящее, если к тому же в этой схватке с тяжеловесными интересами сегодняшнего дня обладаешь только очень тощей клячей, очень ветхими доспехами и столь же немощным телом!» (Гейне Генрих. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. VIII, с. 140). Гейне видел в Дон-Кихоте энтузиаста лучшего общественного будущего, человека, пренебрегшего во имя этого будущего интересами настоящего. При таком осмыслении образа стало возможным сравнение Дон-Кихота с социалистом-утопистом Фурье, которое делает Тургенев (см. наст. том, с. 345). Тургенев вообще хорошо знал творчество Гейне, но к «Введению к „Дон-Кихоту“» его внимание могло быть привлечено особо, так как в том же издании «Дон-Кихота» печатался немецкий перевод биографии Сервантеса, написанной Луи Виардо^[30].

В русской литературно-публицистической традиции до Тургенева, в частности у Белинского, Дон-Кихот обычно осмыслялся как художественное обобщение разрыва с действительностью и отставания от хода истории^[31]. С судьбами революционного движения связал образ Дон-Кихота Герцен, видя в нем воплощение кризиса утопических методов борьбы за переустройство общества; Дон-Кихотами он назвал обанкротившихся деятелей революции 1848 года. «Какой практически смешной и щемящий сердце образ складывается для будущего

поэта, образ Дон-Кихота революции!» – писал Герцен в тринадцатом из «Писем из Франции и Италии» (1 июня 1851 г.). Он характеризовал этих Дон-Кихотов как людей, отставших от жизни, которые «повторяют слова, потрясавшие некогда сердца, не замечая, что они уже давно задвинуты другими словами» (Герцен, т. V, с. 206). Это тринадцатое письмо вошло во второе (первое русское) издание «Писем», вышедшее в Лондоне в 1855 г. Тургенев, видимо, познакомился с ним в августе 1856 г., когда он посетил Герцена. Герценовская интерпретация образа Дон-Кихота не могла не привлечь внимания Тургенева, тем более что и для него исходным моментом служили события 1848 года, и, вероятно, он спорил с Герценом о Дон-Кихоте и продолжил спор в статье^[32].

В основу противопоставления Гамлета и Дон-Кихота Тургенев положил этический принцип – их отношение к идеалу. Для Гамлета основа и цель существования находится в нем самом, для Дон-Кихота – вне его. Этим обуславливается нравственный облик каждого из них: эгоизм, безверие и скептицизм, развитый ум и слабая воля, трусость, сосредоточенная на себе рефлексия и самобичевание Гамлета; вера в истину, альтруизм, самоотверженность и бесстрашие в борьбе с враждебными человечеству силами, непреклонная воля, односторонность и духовная ограниченность Дон-Кихота.

Своей интерпретацией Гамлета Тургенев стремился показать социальную бесплодность и даже вредность сосредоточенной на себе рефлексии, скепсиса. Проблема эгоизма волновала писателя давно: еще в 1845 г. он рассматривал ее в статье о «Фаусте» Гёте в переводе М. П. Вронченко (см. наст. изд., т. 1). Характерно, что в новой статье он сравнивал Гамлета, воплощающего «начало отрицания», с Мефистофелем. Однако в процессе работы над статьей Тургенев частично пересмотрел свое первоначальное отношение к Гамлету, что выясняется из сопоставления чернового автографа с окончательной редакцией статьи. Так, исчезло прежнее утверждение, что Гамлет «в сущности <...> мелок и антипатичен» (*Т сб*, вып. 2, с. 76). В черновых набросках Тургенев писал, что в мечтании Гамлета о самоубийстве «высказывается любовь к жизни и трусость» (там же, с. 78); в дальнейшем «трусость» отпала. Решительно отказался Тургенев от мысли, что «для Гамлета не существует (в сущности) различия между добром и злом» (там же, с. 79), и, напротив, стал утверждать, что «отрицание Гамлета сомневается в добре, но во зле оно не сомневается и вступает с ним в ожесточенный бой»; «зло и ложь» его «исконные враги». Положительное истолкование получил и его скептицизм, который, «не веря в современное, так сказать, осуществление истины, непримиримо враждует с ложью и тем самым становится одним из главных поборников той истины, в которую не может вполне поверить» (наст. том, с. 340). Характерны добавления, внесенные в первоначальную характеристику Гамлета: «Сомневаясь во всем, Гамлет, разумеется, не щадит и самого себя; ум его слишком развит, чтобы удовлетвориться тем, что он в себе находит: *он сознает свою слабость, но всякое самосознание есть сила...*» (с. 333; слова, выделенные курсивом, отсутствуют в черновом автографе). Таким образом, характеристика Гамлета у Тургенева стала диалектически сложной и противоречивой, что объяснялось как объективной сложностью этого социально-психологического типа, так и противоречивым отношением к нему писателя, ощущавшего духовное родство с ним.

Тургенев не абсолютизировал превосходство Дон-Кихота над Гамлетом. Первый имеет нравственное преимущество, но интеллектуально второй возвышается над его ограниченностью и духовной слепотой. Писатель говорит о необходимости слияния воедино их достоинств – мысли и воли, и понимает невозможность этого, коренящуюся в итоге в ненормальном состоянии общества. Недаром свое рассуждение об этом он прерывает замечанием: «Далеко бы повело нас даже поверхностное обсуждение этих вопросов» (наст. том, с. 341).

Применительно к России Гамлет для Тургенева, как указывалось выше, отождествлялся с «лишними людьми» – дворянскими интеллигентами, которые некогда были передовой силой в русском обществе, а затем должны были отойти на задний план в освободительном движении.

Дон-Кихот олицетворял новые общественные силы. Слово «революционер» не было названо Тургеневым (возможно, по цензурным причинам), но оно подразумевалось; в черновике Дон-Кихот назван «демократом» (*Т сб*, вып. 2, с. 75). В известной мере писатель сближал Дон-Кихота со своими современниками – русскими революционными демократами (несмотря на идейные расхождения с ними). Так, уже отмечалось сходство слов Тургенева о Дон-Кихоте: «...он знает мало, да ему и не нужно много знать: он знает, в чем его дело, зачем он живет на земле, а это – главное знание» (с. 333) – и о Чернышевском: «Он плохо понимает поэзию; знаете ли, это еще не великая беда <...> но он понимает <...> потребности действительной современной жизни – и в нем это <...> самый корень его существования» (письмо к А. В. Дружинину от 30 октября (11 ноября) 1856 г.)^[33].

Тургенев героизировал и идеализировал образ сервантесовского героя (характерно, что из окончательной редакции исчезло дважды высказанное в черновике утверждение о тупости Дон-Кихота; см.: *Т сб*, вып. 2, с. 75, 80). Он боролся с пониманием «донкихотства» как «нелепости» и видел в нем «высокое начало самопожертвования, только схваченное с комической стороны» (наст. том, с. 330). Если логическое развитие гамлетовского отрицания превращает Гамлета в Мефистофеля (см. с. 339–340), то Дон-Кихота Тургенев уподобляет Христу (слова о «пощечине фарисея» – с. 345; в черновых записях прямо сказано: «Пощечина фарисея Христу» – *Т сб*, вып. 2, с. 78)^[34]. Представляя Дон-Кихота беззаветным подвижником идеи водворения справедливости на земле, борцом за счастье людей, Тургенев в то же время наделил его несколько консервативным уважением ко «всем существующим установлениям» (с. 344), и в этом сказался либерализм писателя.

Одно из основных положений статьи, принадлежащее исключительно Тургеневу, это мысль об отношении толпы, массы к Гамлету и Дон-Кихоту. Гамлеты, утверждает Тургенев, не могут вести за собой массу, они ей ничего не дают, «они одиноки, а потому бесплодны» (с. 338). Это заключение, справедливое по отношению к «лишним людям» эпохи Тургенева, не вытекает, однако, из трагедии Шекспира. И Тургенев допускает натяжку, объявляя высокопоставленного придворного, приближенного короля и королевы Полония «представителем массы перед Гамлетом». С другой стороны, в конце статьи в связи с образом Горацио указывается: «Одна из важнейших заслуг Гамлетов состоит в том, что они образуют и развивают людей, подобных Горацио...» и т. д. (с. 346), что подрывает утверждение о «коренной бесполезности» Гамлетов. В этом заключается одно из противоречий статьи, связанных с тем внутренним родством с «Гамлетами» своего времени, которое ощущал Тургенев, искренне стремившийся обличить и осудить их^[35].

В противоположность Гамлетам Дон-Кихоты, утверждает Тургенев, способны повести за собой массу, хотя сначала она и глумится над ними и преследует их. «Великое, всемирно-историческое свойство» массы, залог прогресса в том-то и состоит, что она способна на «бескорыстный энтузиазм», способна, «беззаветно веруя», следовать за Дон-Кихотами (с. 337). Без Дон-Кихотов, утверждает писатель, «не подвигалось бы вперед человечество...» (с. 346). В то же время Тургенев считает Дон-Кихотов безумцами, которые при всем своем благородстве и самоотверженности бессильны найти истину, сражаются с ветряными мельницами вместо великанов, умирают за несуществующую Дульцинею. Но истина, полагает Тургенев, вообще скрыта от людей, и судьбы истории не имеют ничего общего с целями, которые ставят перед собой Дон-Кихоты; оценивать людей можно лишь по их намерениям и поведению, а не по результатам: «...главное дело в искренности и силе самого убеждения..., а результат – в руке судеб». Поэтому и революционная деятельность определяется Тургеневым как «донкихотство», пусть даже облагороженное и идеализированное. В этом проявилось неверие писателя в возможность близкого осуществления революционных целей. Но он не отрицал из-за этого необходимости борьбы, а, наоборот, призывал: «Наше дело вооружиться и бороться» (с. 336). И это возвышало его над современниками-либералами.

Социально-психологические типы, обозначенные Тургеневым именами Гамлета и Дон-Кихота, получили художественное воплощение во многих произведениях писателя от «Гамлета Щигровского уезда» до «Нови»^[36]. Наиболее полное воплощение тургеневской концепции Дон-Кихота представляет собою образ Инсарова в «Накануне» (1860).

Статья-речь Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», остро публицистическая по своему духу, вызвала немало самых разнородных откликов. Как отмечалось выше, выступление Тургенева 10 (22) января 1860 г. было встречено овацией, которая, однако, объяснялась больше популярностью самого писателя, чем успехом его речи (об этом см. в воспоминаниях А. Д. Галахова – *ИБ*, 1892, т. XLVII, № 1, с. 141). Е. А. Штакеншнейдер записала в дневнике, что речь ей «не понравилась», и указывала на странность некоторых суждений Тургенева (например, сближение Санчо Пансы и Полония), а П. Л. Лавров, по ее свидетельству, говорил о речи: «Умно, очень умно построена, но парадокс на парадоксе» (Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886). М.; Л., 1934, с. 246). Сам Лавров писал впоследствии: «Его <Тургенева> возвышение Дон-Кихота – я это очень хорошо помню – показалось натянутым для публики и было большею частью отнесено к чему-то вроде литературного каприза» (Вестник Народной воли, 1884, № 2, с. 89). Недоумение и даже некоторая растерянность чувствуется в анонимном отзыве «Санкт-Петербургских ведомостей» о статье Тургенева.

Рецензент недоумевал, чем вызваны необычайные суждения Тургенева, особенно о Дон-Кихоте; он пытался доказать, что Тургенев пристрастен, что Гамлет не эгоист и больше заслуживает сочувствия: «...мы гораздо более сочувствуем Гамлету и не смеем сравнивать с ним Дон-Кихота» (*СПб Вед*, 1860, № 60, 17 марта, с. 290). Еще большее непонимание обнаружил упомянутый выше А. Львов, посвятивший целую книжку доказательству того, что Тургенев неверно истолковал создания Шекспира и Сервантеса. Стремясь опровергнуть Тургенева, он утверждал, что Дон-Кихот сумасшедший и образ этот лишен нравственного смысла, а Гамлет – идеалист, недовольный окружающей жизнью и собою «вследствие вечного стремления к совершенству» (Львов А. Гамлет и Дон-Кихот и мнение о них И. С. Тургенева. СПб., 1862, с. 153).

С другой стороны, после выступления Тургенева характеристика современных деятелей при посредстве образов Гамлета и Дон-Кихота стала обычным приемом в русской печати, причем интерпретация этих образов не всегда совпадала с тургеневской. Так, И. И. Панаев в очередном фельетоне «Петербургская жизнь», помещенном в ближайшем номере «Современника» после опубликования статьи Тургенева, иронизировал над «авторитетами», которые уклоняются от выполнения своего общественного долга, «предоставив современным Дон-Кихотам бесполезный труд и неблагодарную борьбу». «Наша гордость и самолюбие, – писал Панаев, – не позволяют нам быть Дон-Кихотами, интереснее нам рисоваться Гамлетами» (*Совр*, 1860, № 2, Современное обозрение, с. 370).

Критик Н. В. Шелгунов, деятельный участник революционного движения 1860-х гг., откликаясь на статью Тургенева и оценивая ее как «замечательное явление нашей современной литературы», воспользовался ее образами для злободневной критики правительственного либерализма в предреформенную пору. «Не представляя таких частных, крайних типов, – писал он, – мы богаты тут преимущественно помесью – донкихотствующими Гамлетами. <...> Эти Гамлеты, стоя с сложенными накрест руками, донкихотствуют, делая вид, что они работают что-то, трудятся для общего дела; в сущности же, не зная, к кому пристать, куда идти, административные Гамлеты делают попросту то, что им выгодно. Это признаки нашего линянния» (Н. Ш. Литературное чтение в зале Пассажа. – *Рус Сл*, 1860, № 2, отд. III, с. 76–77).

Политический обозреватель «Отечественных записок» В. Санин, рассматривая в статье «Выгодный обмен» передел Италии в 1860 г., назвал одну из главок, по примеру Тургенева, «Гамлет и Дон-Кихот», но при этом замечал, что «в жизни действительной, общественной, как и частной, проза гамлетизма и поэзия дон-кихотизма так перемешаны, что олицетворения этой смеси являются попеременно жрецами то той, то другой» (*Отеч Зап*, 1860, № 4, с. 352). В

последующем изложении автор уподоблял Гамлету и Дон-Кихоту не только отдельных общественных деятелей Европы, но и целые государства (Францию, королевство Сардинию).

Отзвук тургеневского противопоставления обнаруживается и в статье Д. И. Писарева «Схоластика XIX века» (1861), где он утверждал: «Здравый смысл и значительная доля юмора и скептицизма составляют, мне кажется, самое заметное свойство чисто русского ума; мы более склоняемся к Гамлету, чем к Дон-Кихоту; нам мало понятны энтузиазм и мистицизм страстного адепта» (Писарев, т. I, с. 118).

Наконец, отталкиваясь от тургеневской статьи, А. А. Григорьев в стихотворных «Монологам Гамлета Щигровского уезда» противопоставлял отечественному «мещанскому Гамлету» «мещанского Дон-Кихота», «бойца многоглаголивого и вздорного», требующего «срезать всё на нет» (Оса, 1864, № 2, с. 13). В образе последнего автор рассчитывал осмеять литераторов революционно-демократического лагеря с их широкой программой общественной борьбы.

Разбирая последующие отклики на статью Тургенева, можно заметить, что они больше касались образа Дон-Кихота. Имя Гамлета еще ранними рассказами Тургенева было связано с образом «лишнего человека», и статья в этом отношении вносила мало нового. Свидетельства того, что эти понятия стали синонимичными в русской литературе, обнаруживаются в различных произведениях, и не имеющих прямого отношения к Тургеневу: в статье Д. И. Писарева «Идеализм Платона» (1861), в статье А. М. Скабичевского «Наша современная беззаветность» (1875), в повести Н. Н. Златовратского «Скиталец» (1884) и в драме А. П. Чехова «Иванов» (1889)^[37].

Смысл образа Дон-Кихота в статье-речи Тургенева стал особенно понятен после опубликования романа «Накануне». «Инсаров <...> это тот Дон-Кихот, которого недавно поставил он <Тургенев> в противоположность Гамлету в своей речи об этих характерах», – писал критик Н. Н. Булич (*Рус Сл*, 1860, № 5, Критика, с. 16). В «Отечественных записках» критик П. Басистов указывал, что личность Инсарова осталась бы совершенно непонятной, если бы Тургенев не дал ключа к ней в своей статье, и далее сравнивал образы болгарского революционера и Дон-Кихота в тургеневской интерпретации (*Отеч Зап*, 1860, № 5, Русская литература, с. 8).

Революционная демократия, группировавшаяся вокруг журнала «Современник», разумеется, не могла принять определение революционности как «донкихотства», но прямая полемика со статьей Тургенева на страницах журнала, в котором статья печаталась, была неудобна. Поэтому полемические выпады Н. А. Добролюбова против «Гамлета и Дон-Кихота» были скрыто включены в его статью «Новая повесть г. Тургенева» (*Совр*, 1860, № 3, Современное обозрение), озаглавленную впоследствии при переиздании «Когда же придет настоящий день?». Именно такой смысл имеет рассуждение Добролюбова о «жалких Дон-Кихотах», которое на первый взгляд может показаться неожиданным и немотивированным^[38]. Намекая, с одной стороны, на слова Тургенева о том, что Дон-Кихот верит «в истину, находящуюся вне отдельного человека», что «он весь живет <...> вне себя, для других», а с другой – на то, что Инсаров должен бороться с внешними враждебными силами, Добролюбов писал: «Внешней борьбы нам не нужно, но необходима усиленная непрерывная самоотверженная борьба с внутренним врагом – с общественным злом и неправдой <...> Многие начинают накидываться на мелочи, воображая, что в них-то и есть всё дело, или сражаться с призраками и таким образом в практической деятельности являются обыкновенно забавно жалкими Дон-Кихотами, несмотря на всё благородство своих стремлений. Отличительная черта Дон-Кихота – непонимание ни того, за что он борется, ни того, что выйдет из его усилий, – удивительно ярко выступает в них» (с. 61). В окончательной редакции статьи, заключая свое рассуждение, критик еще резче подчеркнул, что «смешные Дон-Кихоты» «в нашей среде» – это те, кто «хотят прогнать горе ближних, а оно зависит от устройства той среды, в которой живут и горящие и предполагаемые утешители» (Добролюбов, т. II, с. 229). Добролюбов давал понять, что Дон-Кихотами явля-

ются не революционеры, а те люди, которые, сочувствуя угнетенным, рассчитывают помочь им, не прибегая к революционным действиям^[39].

Начатое Добролюбовым опровержение тургеневской концепции «донкихотства» продолжил после его смерти А. П. Пятковский, связанный в середине 1860-х гг. с демократической печатью. Основной тезис статьи Пятковского «Гамлеты и Дон-Кихоты» состоял в том, что слепая вера в идеал присуща реакционным поборникам старого, тогда как критический анализ действительности, осуществляемый передовыми общественными силами, есть залог ее преобразования. В Гамлете критик видел предтечу Базарова, которого он защищал, донкихотские же черты он находил у Павла Кирсанова. «Без Гамлетов в тургеневском смысле, – писал Пятковский, – т. е. без людей, имеющих смелость относиться критически ко всем готовым явлениям жизни, человеческое развитие остановилось бы на точке замерзания», тогда как «Дон-Кихоты со своими историческими идеалами» не нужны «на попроще реальной, действительной жизни» и их «исчезновение будет минутой окончательного торжества человеческого ума» (Русь, 1864, № 18, с. 230).

Полемически заостренное по отношению к Тургеневу истолкование образа Дон-Кихота содержится и в статье Писарева «Писемский, Тургенев и Гончаров» (1861), в которой критик писал о Рудине: «Развенчать этот тип было так же необходимо, как необходимо было Сервантесу похоронить своим Дон-Кихотом рыцарские романы, как одно из последних наследий средневековой жизни» (Писарев, т. I, с. 214).

Напротив, Герцен, с которым, как указывалось выше, скрыто полемизировал Тургенев, принял новое для него осмысление образа Дон-Кихота и в «Концах и началах» (1862), говоря о поражении итальянской революции, о трагической участи Гарибальди и Маццини, писал: «Прощайте, великие безумцы; прощайте, святые Дон-Кихоты!...». И далее: «Задумается какой-нибудь северный Фортинбрас... над этой повестью Горацио и, с раздумьем вздохнувши, пойдет в дубравную родину свою – на Волгу, к *своему* земскому делу» (Герцен, т. XVI, с. 166–167). Упоминание здесь имен шекспировских героев также ведет к статье Тургенева, к его словам о людях, подобных Горацио, которые, приняв от Гамлетов «семена мысли, оплодотворяют их в своем сердце и разносят их потом по всему миру» (с. 346).

В либеральном лагере статья-речь Тургенева сочувствия не встретила. П. В. Анненков отзывался о ней очень холодно: «...знаменитая, более остроумная и блестящая, чем неотразимо убедительная речь Тургенева...» (Анненков и его друзья, с. 436). В еженедельнике «Наше время», занимавшем в 1860 г. еще умеренно либеральные позиции, критик М. И. Дараган упрекал Тургенева за то, что тот прославил «мечтательного» Дон-Кихота, а не «положительного» либерального оппортуниста – поборника малых дел. «Таких ли деятелей, ради бога, нам нужно в настоящее время? – вопрошал Дараган, имея в виду Дон-Кихота. – Разве возможно в наш век прошибить лбом стену? <...> Нам нужны деятели, но положительные, а не мечтательные <...> нам нужны люди, умеющие сообразить цель со средствами и соразмерить жертвы с пользой, от них приобретаемой» (Наше время, 1860, № 9, 13 марта, с. 134).

Вопрос о Гамлете и Дон-Кихоте как общественных типах рассматривался в полемической статье критика и публициста М. Ф. Де-Пуле «Нечто о литературных мошках и букашках. По поводу героев г. Тургенева», опубликованной в журнале братьев Достоевских «Время»^[40]. (Под «мошками и букашками» автор подразумевал «лишних людей» в русской литературе от Чацкого до Рудина, к которым он, однако, относился сочувственно, противопоставляя их «ухорским героям» писателей-романтиков). Возражая Тургеневу, Де-Пуле находил, что Гамлет «раздвоен вследствие сознания великости идеи, возложенной на него», и в его бессилии повинны «размышление, *разъедающая* рефлексия, но никак не эгоизм». Тургенев, заявлял Де-Пуле, неправ, полагая, что «Дон-Кихоты находят – Гамлеты разрабатывают»; «наоборот: Гамлеты находят, т. е. размышляют, подвергают жизнь анализу, творят идеи, Дон-Кихоты разрабатывают, т. е. действуют и осуществляют эти гамлетовские идеи». Согласно Де-Пуле, задачи

эпохи требуют появления людей не *«мысли только, но мысли и дела»*. Он сочувствовал тургеневскому отношению к Дон-Кихоту, но не противопоставлял его Гамлету и считал, что на смену Рудиним должны прийти Дон-Кихоты, «т. е. этот же самый тип, только перерожденный, т. е. считающий отрадою жизни не *праздномыслие*, <...> а деятельность, жизнь во имя гамлетовских идей. <...> В состоянии ли наша жизнь выставить Дон-Кихотов не по натуре только, а *de facto* – это еще вопрос, в положительном решении которого мы крепко сомневаемся» (Время, 1861, № 2, отд. III, с. 127–130).

Сочувственно относился к статье Тургенева Н. С. Лесков, который в газетном обозрении «Наша провинциальная жизнь, утверждал что тип Дон-Кихота «верно повторяется» в украинских разбойниках, защищающих крестьян от притеснений власть имущих. «По закону все они преступники, – писал Лесков, – это так, но, вникая в их психические задачи, нельзя по поводу их не припомнить слишком известной статьи И. С. Тургенева „Гамлет и Дон-Кихот“, по которой Дон-Кихот правильно поставлен стоящим бóльших симпатий, чем Гамлет» (Биржевые ведомости, 1869, № 307)^[41].

Русские революционеры следующего за шестидесятниками поколения отнеслись к статье Тургенева иначе, чем их предшественники. По-видимому, им импонировала мысль Тургенева о значении Дон-Кихота для массы, сходная с народнической идеей героя и толпы. С другой стороны, возвеличиванию Дон-Кихота (в тургеневской интерпретации) способствовала, по-видимому, борьба вождей и идеологов народничества против новой волны «гамлетизма» (самый термин этот возник в это время), вызванной провалами и разочарованиями в движении народников, а затем, в 80-е годы, и общей политической реакцией в стране^[42]. П. Л. Лавров в статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества» после приведенного выше свидетельства о первом впечатлении от тургеневского «возвышения Дон-Кихота» писал: «Но теперь, имея за собою прошедшие с тех пор почти четверть века и позднейшие произведения Ивана Сергеевича, читатель открывает иной смысл в словах, казавшихся тогда странными», и далее цитировал места из статьи Тургенева о некоторой доле смешного в людях, призванных на великое новое дело, о следовании массы за теми, над кем она прежде глумилась, о попирании Дон-Кихотов свинными ногами. Лавров возражал и против полемических выпадов Добролюбова. «Конечно, Добролюбовы и их законные наследники в деле революционной мысли не хотели признать в своих рядах людей типа Дон-Кихота, „отличительная черта“ которого „непонимание ни того, за что он берется, ни того, что выйдет из его усилий“ <...>, но партии, совершающие и особенно начинающие великое историческое дело, составляются не по собственным идеалам, а по тому фатальному процессу, которому прошедшее подчинило эволюцию вырабатывающего их общества» (Вестник Народной воли, 1884, № 2, с. 89, 116–117).

Солидаризировался с толкованием Тургенева и анархист П. А. Кропоткин, который в своих записках назвал его речь «блестящей» и, пересказав взгляд на Дон-Кихота и его отношение к массе, заключал: «И это вполне справедливо» (Кропоткин П. Записки революционера. Лондон; СПб., б. г., с. 352–353).

Показательно, что позднее марксистский критик В. В. Воровский, характеризуя общественное движение 1870-х годов, использовал установленные Тургеневым наименования социально-психологических типов. В статье «Лишние люди» (1905) он выделял две группы народнической интеллигенции – «разночинцев» и «культурно-народническое течение», генетически связанное с кающимися дворянами, и при этом писал: «Донкихотизму разночинцев культурно-народническое течение противопоставляло гамлетизм» (Воровский В. В. Сочинения. М.: Соцэкгиз, 1931. Т. II, с. 51). Здесь тургеневскому толкованию соответствовали не только понятия «донкихотизма» и «гамлетизма», но и их социальная атрибуция.

Этический пафос статьи Тургенева высоко ценил Л. Н. Толстой. В письме к А. Н. Пыпину от 10 января 1884 г. он писал, что Тургеневу была присуща «не формулированная, двигавшая им и в жизни, и в писаниях, вера в добро – любовь и самоотвержение, выраженная всеми его

типами самоотверженных и ярче и прелестнее всего в Дон-Кихоте, где парадоксальность и особенность формы освобождали его от его стыдливости перед ролью проповедника добра» (*Толстой*, т. 63, с. 150). В. Ф. Лазурский, учитель детей Толстого, живший в Ясной Поляне, записал в дневнике 23 июня 1894 г.: «Выше всех <у Тургенева> он <Толстой> ставит „Довольно“ и статью „Гамлет и Дон-Кихот“. Говорил, что писал статью о Тургеневе, где рассматривал эти два произведения в связи одно с другим (настроение разочарования и потом указание пути спастись от сознания пустоты)» (*Лит Насл*, т. 37–38, с. 450; см. также дневниковую запись Толстого от 18 марта 1905 г. – *Толстой*, т. 55, с. 129).

Статью «Гамлет и Дон-Кихот» обычно упоминали авторы, писавшие о романе Сервантеса, хотя их интерпретация героя не совпадала с тургеневской (см., например: Авсеенко В. Происхождение романа. П. Сервантес – *Рус Вестн*, 1877, № 12, с. 454, 461; Иванов В. Кризис индивидуализма. – *Вопросы жизни*, 1905, № 9, с. 47). Но не только среди литераторов и публицистов произвела впечатление статья Тургенева. Проф. В. Л. Кирпичев, один из основателей русской инженерной науки, эпиграфом к своей программной статье «Значение фантазии для инженеров» поставил слова Тургенева о «смешных чудаках изобретателях» и о том, что «Дон-Кихоты находят, Гамлеты разрабатывают» (Изв. Киевского политехнического ин-та имп. Александра II, 1903, кн. III, отд. механический и инженерный, с. 7).

Условные сокращения

Горбачева, Молодые годы, Т – Горбачева В. Н. Молодые годы Тургенева. (По неизд. материалам). Казань, 1926.

Станкевич, Переписка – Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840 / Ред. и изд. Алексея Станкевича. М., 1914.

Стасюлевич – Стасюлевич М. М. и его современники в их переписке. СПб., 1911–1913. Т. I–V.

Т, Рудин, 1936 – Тургенев И. С. Рудин. Дворянское гнездо. 2-е изд. М.; Л.: Academia, 1936.

Твори путь Т – Творческий путь Тургенева. Сборник статей под редакцией Н. Л. Бродского. Пг.: Сеятель, 1923.

Ausgewählte Werke – Iwan Turgénjew's Ausgewählte Werke. Autorisierte Ausgabe, Mitau – Hamburg, E. Behre's Verlag, 1869–1884.

Dolch — Dolch Oscar. Geschichte des deutschen Studententhums von der Gründung der deutschen Universitäten bis zu den deutschen Freiheitskriegen. Leipzig, 1858.

Tagebücher — Varnbagen K.-A. Tagebücher, 1861–1905, Bd. I–XV.

Комментарии

1.

Первое издание трагедии Шекспира ~ в один и тот же год... – Здесь – неточность: «Гамлет» был впервые опубликован в 1603 г., первая часть «Дон-Кихота» – в 1605 г.

2.

«Кто хочет понять ~ область», – сказал Гёте... – Цитата из эпиграфа к комментариям к «Западно-восточному дивану» (1819).

3.

Хороший перевод «Дон-Кихота» ~ перед публикой... – Считая перевод «Дон-Кихота» на русский язык исключительно важным делом, Тургенев сам хотел осуществить его. Еще в 1853 г. он писал 9 (21) июля Анненкову, что готовится к переводу «беспрестанным перечитыванием этого бессмертного романа». К этому замыслу Тургенев возвратился через четыре года (см. письмо к В. П. Боткину от 17 февраля (1 марта) 1857 г.) и не оставлял его до конца жизни. В 1864 г. он говорил П. Д. Боборыкину: «Вот сколько лет мечтаю о том, чтобы сделать хороший перевод „Дон-Кихота“» (Новости и Биржевая газета, 1883, № 177, 27 сентября).

4.

«О боже, боже! ~ кажется мне жизнь!» – «Гамлет», действие I, сцена 2, строки 131–134.

5.

То кровь кипит, то сил избыток. – М. Ю. Лермонтов. «Не верь себе» (1839), строка 6.

6.

...«our son is fat» – неточная цитата; в оригинале: «King. Our son shall win. – Queen. He's fat, and scant of breath» («Король. Наш сын победит. – Королева. Он тучен и задыхается». – «Гамлет», действие V., сцена 2, строка 301).

7.

«Гамлет Баратынский» – выражение из «Послания Дельвигу» (1827) Пушкина, строка 137.

8.

Полоний. Королева желает ~ иду к матушке. – «Гамлет», действие III, сцена 2, строки 398–407.

9.

Les grandes pensées viennent du coeur. – Из «Размышлений и максим» (127) Вовенарга. Вовенарг Люк де Клапье (1715–1747) – французский писатель-моралист.

10.

Я любил тебя когда-то ~ Я не любил тебя. – «Гамлет», действие III, сцена 1, строки 116–122 (цитата сокращена).

11.

Брамарбас – маска хвастливого воина в немецком театре XVIII века.

12.

Пистоль – действующее лицо в хрониках Шекспира «Король Генрих IV», ч. II, и «Король Генрих V», а также комедии «Виндзорские проказницы» – спутник Фальстафа, забияка, хвостун и трус, самозванный капитан.

13.

«Сорок тысяч братьев ~ миллион холмов!» – «Гамлет», действие V, сцена 1, строки 291–293, 302–303 (неточные цитаты).

14.

And thus ~ of thought... – «Гамлет», действие III, сцена 1, строки 84–85.

15.

«Персилес и Сигизмунда» – рыцарский роман Сервантеса, опубликованный в 1617 г. посмертно. Тургенев, по видимому, полагал, что роман этот публиковался между выходом первой и второй частей «Дон-Кихота».

16.

...умерли в один и тот же день, 26 апреля 1616 года. – Тургенев ошибался: датой смерти Шекспира и Сервантеса считается 23 апреля 1616 г. На самом деле Сервантес умер на десять дней раньше Шекспира. Недоразумение вызвано тем, что в Англии в 1616 г. действовал юлианский календарь, а в Испании грегорианский (см: Державин К. Н. и Идельсон Н. И. К вопросу о дне кончины Сервантеса и Шекспира. – В кн.: Сервантес. Статьи и материалы. Л., 1948, с. 211–213).

17.

Один английский лорд... – Высказывалось предположение, что имеется в виду Джон-Джордж Шоу-Лефевр (1797–1879), чиновник английского парламента, с которым Тургенев, по-видимому, познакомился в 1857 г. (см.: Звигильский А. Я. «Гамлет и Дон-Кихот». О некоторых возможных источниках речи Тургенева. – Т сб, вып. 5, с. 241–242).

18.

«Послушай ~ с той поры ~ Как я тебя укрыл». – «Гамлет», действие III, сцена 2, строки 67–79.

19.

Всё великое земное Разлетается как дым... – Ф. Шиллер, «Торжество победителей», перевод В. А. Жуковского (1828), строки 149–150.

20.

«Все минется ~ останется». – Неточная цитата из первого послания апостола Павла к коринфянам (гл. XIII, стих 8).

21.

См. об этом: Granjard Henri. Ivan Tourguénev et les courants politiques et sociaux de son temps. Paris, 1954, p. 255–256.

22.

Об отношении чернового наброска к окончательному тексту статьи см.: Т сб., вып. 2, с. 71–75.

23.

О связи статьи с отношениями Тургенева и Толстого в 1850-е годы см.: Эйхенбаум Б. М. О прозе. Л., 1969, с. 145–151.

24.

См.: Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. <М.>: Госполитиздат, 1952. Т. I, с. 422–423; Добролюбов, т. II, с. 211.

25.

Большая часть этих отступлений указана в кн.: Львов А. Гамлет и Дон-Кихот и мнение о них И. С. Тургенева. СПб., 1862.

26.

Представлению Тургенева о двойственности человеческой природы посвящена книга: Kagan-Kans Eva. Hamlet and Don Quihote: Turgenev's Ambivalent Vision. The Hague; Paris: Mouton, 1975.

27.

Подробнее об этом см.: Левин Ю. Д. Русский гамлетизм. – В кн.: От романтизма к реализму. Л.: Наука, 1978, с. 189–236.

28.

См.: Фридендер Г. М. Белинский и Шекспир. – В кн.: Белинский. Статьи и материалы. Л., 1949, т. 165; Лаврецкий А. Эстетика Белинского. М., 1959, с. 232–236; Шекспир и русская культура. М.; Л.: Наука, 1965, с. 329–331.

29.

См.: Стороженко Н. Философия Дон-Кихота. – ВЕ, 1885, № 9, т. V, с. 307–310.

30.

Высказывалось предположение, что эта биография, предпосланная Л. Виардо своему переводу «Дон-Кихота» (Paris, 1836), также оказала влияние на Тургенева. В частности, в ней он мог найти мысль, что в процессе написания романа значение Дон-Кихота «расширилось под собственную руку его бессмертного творца» (наст. том, с. 332; см.: Звигильский А. Я. «Гамлет и Дон-Кихот». О некоторых возможных источниках речи Тургенева. – Т сб, вып. 5, с. 238–241).

31.

Григорьев А. Л. Дон-Кихот в русской литературно-публицистической традиции. – В кн.: Сервантес. Статьи и материалы. Л., 1948, с. 13–31; Мордовченко Н. И. «Дон-Кихот» в оценке Белинского. – Там же, с. 32–39; Плавский З. И. Сервантес в России. – В кн.: Мигель де Сервантес Сааведра. Библиография русских переводов... М., 1959, с. 15–21; Turkevich L. V. Cervantes in Russia. Princeton, 1950, p. 23–27.

32.

См.: Оксман Ю. Г. Тургенев и Герцен в полемике о политической сущности образов Гамлета и Дон-Кихота. – В кн.: Научный ежегодник за 1955 год Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Филолог, факультет, 1958, отд. III, с. 26–28.

33.

См.: Курляндская Г. Б. Романы И. С. Тургенева 50-х – начала 60-х годов. – Уч. зап. Казанского гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1956. Т. CXVI, кн. 8, с. 83.

34.

Возможно, не без влияния этого сравнения у Тургенева Достоевский впоследствии объединил в образе героя романа «Идиот» черты Христа и Дон-Кихота (см. комментарий в кн.: Достоевский, т. IX, с. 394–402).

35.

См.: Горнфельд А. Г. Дон-Кихот и Гамлет (1913). – В его кн.: Боевые отклики на мирные темы. Л., 1924, с. 19–20, 22.

36.

См. в комментариях к соответствующим произведениям. См. также: Левин Ю. Д. Статья И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот». – В кн.: Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы. Горький, 1965, с. 146–153; Шекспир и русская культура. М.; Л.: Наука, 1965, с. 464–467; Винникова И. А. И. С. Тургенев в шестидесятые годы. Саратов, 1965, с. 6–30; Курляндская Г. Б. Метод и стиль Тургенева-романиста. Тула, 1967, с. 6–46; Буданова Н. Ф. Роман «Новь» в свете тургеневской концепции Гамлета и Дон-Кихота. – Русская литература, 1969, № 2, с. 180–190; Опришко Е. Н. Преломление взглядов И. С. Тургенева на тип «лишнего человека» в статье «Гамлет и Дон-Кихот». – В кн.: Русская литература XIX–XX веков и вопросы ее типологии. Днепропетровск, 1975, с. 7–18.

37.

См. упомянутую выше работу Ю. Д. Левина «Статья И. С. Тургенева „Гамлет и Дон-Кихот“» – с. 155–156.

38.

См.: Мордовченко Н. И. Добролюбов в борьбе с либерально-дворянской литературой. – Изв. АН СССР, Отд. общественных наук, 1936, № 1–2, с. 251–252.

39.

См.: Бялый Г. Тургенев и русский реализм. М.; Л.: Сов. писатель, 1962, с. 145–146.

40.

Статья опубликована анонимно; атрибуцию ее см. в кн.: Достоевский Ф. М. Статьи и материалы. Пб., 1922, с. 507.

41.

Подробнее об этом см.: Столярова И. В. «Гамлет и Дон-Кихот». Об отклике Н. С. Лескова на речь Тургенева. – Т сб, вып. 3, с. 120–123.

42.

См.: Левин Ю. Д. Русский гамлетизм. – В кн.: От романтизма к реализму. Л.: Наука, 1978, с. 228–234.